

Лу Синъянь и Сун Чэн вроде бы не орали, но Цзян Цзи, который спал у него на плече, разумеется, проснулся — тут удивляться нечему.

Хотя глаза он открыл, на лице всё ещё оставалась пьяная отрешённость. Он пару секунд молчал, переваривая, что только что услышал.

Лу Синъянь чуть не задохнулся от паники и выдал первое, что пришло в голову:

— Нет-нет-нет! Это не про тебя! Мы с Сун Чэном фильм обсуждали! План из фильма!

Ну надо ж было Лу Синъяню так быстро сообразить. Но Цзян Цзи глянул на него и спокойно спросил:

— Какой фильм?

Тут Лу Синъянь и застопорился. Медленно перевёл взгляд на Сун Чэна — мол, брат, спаси, придумай название! Но Сун Чэн только таращился обратно своими «глазами без мыслей» и не выдал даже жалкого звука.

Лу Синъянь почувствовал, как тонет:

— Брат... я сейчас всё объясню...

— Я слушаю.

Цзян Цзи выпрямился и сел нормально, оставив на щеке отчётливую отметину от пуговицы — совсем не вязалось с его обычной холодной осанкой. Но лицо у него всё равно становилось всё серьёзнее, глаза прояснялись с каждой секундой.

— Лу Синъянь, это твой план? Ты меня обманываешь?

— Нет! Я не...

— Тогда говори как есть.

— ...

Лу Синъянь молчал — язык не поворачивался, мысли мешались, слова не складывались. Чем дольше Цзян Цзи смотрел на него, тем больше он терялся.

За столом повисла тяжёлая пауза. Цзян Цзи глянул на остальных, потом махнул рукой:

— Ладно, доедим спокойно. Вернёмся — поговорим.

Он вроде бы дал передышку, но только отсрочил приговор. Лу Синъянь, который от растерянности вскочил со стула, сел обратно — руки дрожали, палочки держать не мог. Есть уж точно не хотелось.

Остальные за столом и сами были почти сыты — осталось только доесть остатки, но аппетит у всех сдуло напрочь.

Наконец-то Сун Чэн хоть как-то помог Лу Синъяню замять тему:

— Да правда это фильм был! Брат, мы ж вместе смотрели, помнишь? Чжэнь Шань тоже видела. Что-то там называлось «Тридцать шесть уловок любви»... Ай, не помню точно. Ну классный фильм, на Douban рейтинг под девять!

Лу Синъянь под столом пнул его в ногу — мол, ты хоть чушь не неси! Сун Чэн тут же запнулся:

— Ну может и не девять... может восемь... или семь... Ха-ха.

«...»

Лу Синъянь хотел сквозь пол провалиться. Но Сун Чэн не окончательно сдулся — быстро сменил тему на фильм и начал травить анекдоты, лишь бы разрядить атмосферу.

Иногда пары ссорятся — посмеются, а дома разберутся, не впервой. Но Цзян Цзи, который ещё минуту назад валялся от вина, вдруг сидел трезвее всех. Никто не заметил, как быстро у него выветрилось всё «опьянение».

Он слушал их «юмор» и не смеялся ни разу. Сидел с видом человека, которому прямо посреди сна наступили на мечту. Лицо молчаливое, глаза потемнели, изредка поднимал взгляд на Лу Синъяня — будто сверял: правда ли всё было ложью?

Лу Синъянь и сам не знал, как пережить этот взгляд. Глотаешь рис, а во рту песок, и сердце туда же.

«Я идиот. Придурок. Сам себя и его убил», — только и думал он. Так хотелось взять и обнять Цзян Цзи, зашептать что угодно — лишь бы перестал так смотреть.

Дотянули ужин кое-как. Лу Синъянь первым сорвался к кассе, расплатился — и даже не поругался с Сун Чэном, который вместе с Чжэнь Шань и Гу Сяобо мигом смылись, как мыши с тонущего корабля.

Трезвый Лу Синъянь стал шофёром и почти нежно поднял Цзян Цзи из-за стола, повёл к парковке.

Но Цзян Цзи, то ли от алкоголя, то ли от этой обиды, шёл медленно, с опущенной головой. Лу Синъянь хотел было открыть дверь машины, но тот вдруг показал в другую сторону:

— Давай пройдемся.

— ...Ладно.

Лу Синъянь понял: вот сейчас всё и начнётся. Собрал дыхание в кулак и лихорадочно перебирал, что сказать.

Ресторан стоял не в шумном центре — тихая улочка, мягкий свет фонарей, вокруг милые домики. Если бы настроение было другим, можно было бы и полюбоваться.

Но Цзян Цзи на пейзажи даже не взглянул — шёл, глядя куда-то в темноту впереди, будто всё уже решил. Вдруг сказал:

— Не зря ты так быстро стал ласковым.

Лу Синъянь не сразу понял, обернулся:

Цзян Цзи продолжил:

— В тот раз, два месяца назад, ты узнал, что я гей, и тут же полез ко мне поближе. Тогда я ещё удивился — до этого ты меня почти стороной обходил. Оказывается, всё из-за плана.

— Нет! Нет, не так! — Лу Синъянь мгновенно схватил его за руку. — Это совсем не то, что ты думаешь!

— Не выкручивайся. — Цзян Цзи посмотрел прямо в глаза. — Отвечай нормально.

Лу Синъянь кивнул, сжал его ладонь обеими руками — как будто если отпустит, то потеряет всё сразу.

— Сун Чэн правду сказал? — спросил Цзян Цзи.

— ...Ну... можно сказать, да.

— «Можно сказать»? — переспросил он.

— Я правда вначале так думал, — Лу Синъянь проговорил почти шёпотом. — Но... я не знаю, как тебе объяснить... Чувства всё поменяли, брат. Я не хотел тебя ранить...

— Врёшь.

— Я не вру! — Лу Синъянь едва не задохнулся.

Но рука в его ладонях вдруг выскользнула — Цзян Цзи резко отстранился и пошёл вперёд, один. Лу Синъянь бросился за ним:

— Брат! Не злись! Я правда люблю тебя, я не хотел обманывать!

Цзян Цзи обернулся, голос дрогнул — уже не тот безупречный, спокойный, каким он всегда говорил:

— Если не хотел — почему тогда Сун Чэн это сказал? Почему ты сам не можешь нормально всё объяснить? Ты мямлишь и отводишь глаза — значит, тебе есть что скрывать, так?

— Я не так! Не так всё! — Лу Синъянь всё больше запинался, слова путались, голос дрожал.

А Цзян Цзи был предельно ясен и холоден:

— Ты ещё притворяешься? Если бы я сегодня ничего не услышал, ты бы что сделал? Дождался бы, пока я признаюсь, что люблю тебя, а потом с радостью меня кинул? Ты настолько меня ненавидишь, Лу Синъянь?

...

Лу Синъянь застыл — на лице почти готовая слеза. Вот же дурак. Как только эмоции накрывали — он превращался в ребёнка. Ловко врать — не его талант. И пусть бы даже соврал красиво — Цзян Цзи всё равно бы нашёл, что сказать в ответ. Потому что Цзян Цзи уже всё решил: сегодня он уйдёт.

С того самого момента, как они позвали Сун Чэна на ужин, Цзян Цзи внутри всё расставил по полочкам. Думал, придётся поить Сун Чэна, раскручивать его на откровенность. А эти два идиота и без допроса всё выложили сами. Проще не бывает.

Если бы всё это было просто игрой — так, развлечься, не трогая настоящее — он бы ещё мог не рвать с Лу Синъянем. Но всё не так. Он чувствовал: если не обрубить сейчас, потом будет уже поздно вылезти из этой трясины.

Цзян Цзи не привык признавать свои ошибки. Он мог играть с Ли Лином, Ян Пусуном, кем угодно. Но не с Лу Синъянем. Лу Синъянь — брат. Какими бы они ни были, они всё равно семья.

Сейчас ещё можно. Отношения только начались, ещё не затянули по горло. Есть шанс остановиться.

— Хватит, — тихо сказал Цзян Цзи. — Я не злюсь. Я знаю, ты не хотел меня ранить. Ты просто играл. Честно говоря... я тоже.

Лу Синъянь замер, глядя на него, не понимая.

Интонация у Цзян Цзи вдруг стала другой — мягкой, но внутри слышалась твёрдость. И это пугало.

— Каким бы ни был твой план — на этом всё. Давай закончим. — Цзян Цзи посмотрел прямо в глаза. — Ты подумал, что будет дальше?

— Что? — выдохнул Лу Синъянь.

— Я тебе говорю — ты только что закончил учёбу и ничего не понимаешь, — тихо сказал Цзян Цзи. В тусклом свете фонаря его лицо выглядело спокойно, но холодно до мурашек. — Ты даже сейчас не понимаешь, о чём я говорю, правда?

Он не стал ждать ответа и пошёл дальше, оставив Лу Синъянь стоять на месте.

Он шёл быстро, дорога была чужая, улица вела куда-то в темноту — и только Цзян Цзи, казалось, знал, куда идёт. Лу Синъянь долго стоял, пытаясь догнать смысл, и только когда фигура почти скрылась в ночи, дёрнулся.

Даже мысли не мелькнуло — не бежать за ним. За все эти годы, сколько бы они ни спорили, ни мерялись упрямством — сдаться никогда не входило в его планы.

Что бы Цзян Цзи ни сказал — он пойдёт за ним.

— Цзян Цзи! — крикнул он и, почти задыхаясь, догнал его.

Они уже свернули куда-то в узкий переулок, где фонари мигали, а впереди начиналась чёрная глухая улица.

— Что ты хочешь этим сказать? — Лу Синъянь схватил его за руку, но руки дрожали, силы не хватило — Цзян Цзи вырвался.

Лу Синъянь понимал всё и без слов: «мы расстаёмся» тут было без всяких украшений. Он не то чтобы не мог объяснить — просто всё застревало в горле.

— Я был неправ! — выдохнул он, снова кинулся за руку и теперь держал обеими, мертво вцепившись в запястья. — Я правда был неправ! Не уходи, прошу тебя! Не надо нам расставаться!

Цзян Цзи молчал.

— Ты же знаешь, я косноязычный, — Лу Синъянь задыхался, слова путались. — Я не умею красиво говорить, люблю похвастаться всякой чепухой перед другими... Но без тебя я не смогу, Цзян Цзи.

Он склонился ближе, прижался к его плечу, руки дрожали:

— Это моя вина. Вся. Если бы я тогда всё сказал честно...

Цзян Цзи молча смотрел на него. Думал, он продолжит оправдываться за тот самый «план». Но Лу Синъянь заговорил совсем о другом.

— На самом деле я любил тебя давно. Очень давно. Каждый раз, когда ты спрашивал: «С какого момента?» — я либо врал, либо отшучивался.

— ...

— Потому что я сам боялся подумать, сколько именно лет я тебя люблю.

Как и стоило ожидать — он заплакал. Слёзы пропитали лёгкую летнюю рубашку, становилось всё влажнее и теплее под его лбом.

— Может, всё с самой первой встречи. С той секунды я понял — я никогда не смогу видеть в тебе просто брата, — выдохнул он. — Ты для меня был особенный, Цзян Цзи. Если бы не ты, я бы вообще не понял, как мне жить в этой новой семье. С тобой я мог играть, придумывать что-то, всё было веселее. Но я ужасно косноязычный...

— Всего лишь «косноязычный»? — тихо перебил его Цзян Цзи.

— ... — Лу Синъянь поперхнулся словами. — Я боялся. Боялся, что ты оттолкнёшь меня. Вот и крутился вокруг да около, говорил намёками, а в итоге всё равно не мог объяснить нормально.

Каждый раз он тянулся к нему, пытался протянуть эту чёртову оливковую ветвь — и каждый раз слова не складывались.

Сначала это была просто застенчивость, страх быть неловким. Потом — настоящий страх. Глубокий, липкий. Страх не перед Цзян Цзи. Страх перед собой.

Страх перед тем, насколько сильно он умудрился его полюбить.

Он прятал это чувство где мог — глубже всех ящичков в голове, закапывал под слой земли, сверху камень, потом ещё один слой. И всё равно боялся, что вылезет наружу. Что сам себе не поверит, если однажды признается: «Я люблю Цзян Цзи». И потому твердил обратное — что ненавидит.

Но всё это оказалось бесполезным.

Сколько бы Лу Синъянь ни хоронил свою любовь под тысячью слоёв камня, стоит увидеть Цзян Цзи — и всё летело к чертям. Мир сразу начинал кружиться, горы рушились, море кипело.

Он мог повторять «ненавижу» сколько угодно — но каждый раз тянулся к нему, будто у самого внутри не было другого варианта.

— Этот «план» был всего лишь предлогом, чтобы подойти к тебе, — выдохнул он, задыхаясь. — Я сам себя обманывал. Я трус. Но я не могу без тебя...

Он до последнего надеялся: может, сейчас Цзян Цзи коснётся его плеча, притянет ближе — и простит всё это жалкое малодушие.

— Я люблю тебя, Цзян Цзи, — сказал он дрожащим голосом. — Что бы ни случилось, только не оставляй меня, пожалуйста.

<http://bllate.org/book/12484/1112021>